

Пермская научная школа функциональной стилистики¹

КЛАРА Э. ШТАЙН
(Ставрополь)

[...] То, что научное знание – вид дискурса, сейчас ясно всем. Передовая наука, философия, техника в двадцатом веке имеют дело именно с языком (коммуникационные системы, базы данных и др.). Науковедение и языкознание, в свою очередь, равно занимаются отслеживанием способов означивания получаемой информации, но идут в этом разными путями. Науковедение анализирует и систематизирует общий процесс формирования знания, в том числе основываясь на данных метадескрипций; лингвистика, и в частности стилистика, занимается этим процессом изнутри, опираясь на структурно-системные свойства языка как данность, в которой мы пребываем, в том числе и осуществляя научное творчество. [...]

В рамках современной информационной цивилизации определяется в качестве наиболее значимой информационная картина мира, которая рассматривается как знаково-символическое его представление, которое формируется в процессе создания информационной культуры современного человека. В такой ситуации *исследование языка науки выходит на первый план*. Неслучайно К.Р. Поппер считал, что язык, формулирование проблем, появление проблемных ситуаций, конкурирующие

¹ Статья является перепечаткой в сокращенном виде (сокращения помечены многоточием в скобках) публикации автора «Культурное достояние России: Пермская научная школа функциональной стилистики» в сборнике «Стереотипность и творчество в тексте» (ред. М.П.Котурова). Вып. 7. Пермь, 2004.

теории, критика в процессе дискуссии – все это необходимые средства «роста науки». [...]

Если проанализировать научную ситуацию в лингвистике, то, по-видимому, можно наблюдать, что как нечто нерушимое присутствует знание и мнение некоторых научных сообществ, без которых не решаются дела в гуманитарных отраслях знаний. Есть такие сообщества в Москве, Санкт-Петербурге, но, самое важное, выросли и утвердились научные школы и направления в пространстве всей России. В первую очередь здесь надо назвать ученых Пермской школы функциональной стилистики, лингвистики и стилистики в Саратове. Именно в работах этих школ прослеживается «положительная эвристика»: теоретическая нагруженность эмпирических фактов, внимание как к структуре научного знания, так и к его развитию. [...]

Понять науку в контексте культуры стремились многие ученые XX века. К сожалению, науковедение, философия науки – особенно это касается гуманитарного знания – в нашей стране не получили систематического развития. Особенно обойдены вниманием научные школы, не находящиеся в признанных научных центрах – Москве, Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге). Думается, сейчас самое время пристально взглянуть на достижения тех научных коллективов, которые признаны во всем мире, задают тон другим научным сообществам, но остаются в тени — по причине территориальной периферии, а ведь именно они «на местах» тоже формируют то единое ментальное пространство, в котором осуществляют свою работу вузы, научно-исследовательские учреждения, школы – по их учебникам учатся наши студенты и школьники. [...]

[...] Говоря о первоочередных задачах науковедения, Т. Кун настаивает не только на системном подходе к знанию, вводя понятия нормальной и революционной парадигм, но и на изучении научного сообщества как структурной единицы в организации научной деятельности, [...]. Научное знание, подобно языку, по своей внутренней сути является или общим *свойством группы, или ничем вообще* (Курсив наш. – К.Ш.).

В этом плане как раз интересен феномен Пермской научной школы функциональной стилистики. Пермская школа стилистики, как принято говорить о ней в научном сообществе, представляет собой вполне сформировавшийся и в то же время развивающийся во времени и пространстве научный текст (в широком, семиотическом смысле).

Ключевая фигура в формировании этого текста – доктор филологических наук профессор М.Н. Кожина. Хорошо известны имена многих значимых членов этого уникального сообщества профессоров: М.П. Котюровой и Е.А. Баженовой, В.А.Салимовского, а также Л.М. Лапп, Н.В. Данилевской и др. В широком использовании у ученых работы М.Н. Кожиной по стилистике (в том числе монографии, учебники и учебные пособия), в которых заданы основные позиции изучения этой дисциплины, рассмотрено отношение ее к другим областям лингвистического знания, разработаны методология, терминологический аппарат, выкристаллизовались априорные стандарты научности и посылки к непрерывному кумулятивному росту научного знания, вырисовывается модель научного развития. [...]

[...] в рамках современной теории речеведения, которая вбирает в себя и функциональную стилистику, подход Пермской школы в отдельных пунктах напоминает «обратный» ход Фосслера, намечаемый им еще в лингвистике начала XX века. Только это уже весьма выверенный на основе последовательного применения общего критерия речевой системности взвешенный подход, уточненный на основе иерархии критериев: экстралингвистических, собственно лингвистических, функционально-стилистических, социо- и психолингвистических. [...]

Пермская школа стилистики отличается лабильным подходом к рассмотрению проблем речеведения, при этом в центре внимания – текст, а стилистика становится одной из составляющих большой проблематики, связанной с теориями дискурса, речевых жанров, коммуникации. Именно весь этот комплекс теорий способствовал восхождению пермских ученых к исследованиям в области языка науки и научного стиля, которые коррелируются с фундаментальными философскими идеями о науке как одной из высших ценностей современной информационной цивилизации в процессе общего развития культуры.

Пермская школа пришла к научному стилю от языка, основываясь на экстралингвистических факторах, философия – от науки к языку и стилю научного мышления. В каких-то сущностных точках идеи коррелируют, что является дополнительным средством проверки правильности научной теории (с обеих сторон). Сейчас Пермская «стилистика» демонстрирует, по нашему мнению, тот международный уровень развития речеведения, который приходится учитывать

западной лингвистике. Пермская школа может быть представлена как многообразие концепций, ядром которых является прочная теоретическая традиция. Эта традиция частично перекрывается общим понятием «российская стилистика», и более конкретным – «научная школа М.Н. Кожиной». Ключевые слова данной школы: «язык», «речь», «стилистика», «стиль», «функциональный стиль», «научный стиль», «речеведение», «речевая системность», «текст», «диалогичность», «гипотетичность», «экстралингвистические факторы», «жанровый стиль», «деятельностная концепция языка» и др.

Ученые этой школы создали особую стилистическую технику анализа научного текста, обеспечивающую логическую стройность рассуждения, установку на междисциплинарные исследования при строгом контроле со стороны лингвистики. [...] Отсутствие эклектики, так характерной для науки эпохи постмодерна, здесь объясняется тем, что ядро динамического процесса исследований в Перми – оригинальная теория М.Н. Кожиной, которая постоянно развивается в диалоге с теориями учеников и последователей. В качестве научной темы для конкретного исследования функциональных стилей был избран научный стиль, по которому выпущена коллективная монография, обобщающая частные (и общие одновременно) исследования, и ряд монографий, развивающих научную программу Маргариты Кожиной.

Научные интересы представителей Пермской школы сосредоточены на проблемах речеведения, и в частности стилистики, которая, как известно, переживала в 50–60-е годы свое второе рождение, оформляясь в научную дисциплину на новой – функциональной – основе, хотя еще не были достаточно определены ни предмет этой науки, ни основные ее понятия и категории, ни методы. Опираясь на отечественную традицию, в том числе на идеи В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Л.В. Щербы и других выдающихся ученых, М.Н. Кожина стремилась обосновать функциональные принципы стилистики, [...]

Научная программа М.Н. Кожиной

Говоря об источнике авторитета в науке, Т. Кун имеет в виду, конечно же, серьезные исследования, монографии, а также, и главным образом, учебники по различным областям знания и популярные философские

работы, основывающиеся на них. Цель учебников – в обучении словарю и синтаксису современного научного языка, считает он. Философия же науки анализирует логическую структуру научного знания. [...]

Наличие тематической компоненты в общей сфере знания, [...] вписанность в связную структуру идей своего времени и одновременно превышение ее – признаки гармонично и красиво развивающейся научной теории. А. Пуанкаре, занимавшийся осмыслением научного знания, не раз останавливался на этой проблеме (Пуанкаре 1990: 385). В работах пермских ученых поражает как раз гармоническая уравновешенность теоретических и прикладных аспектов стилистики, взаимодополнительность синхронических и диахронических установок в исследовании, согласованность в исследовании различных аспектов научного стиля, гармоничность в построении элементов текста о научном тексте. Этому способствовала, несомненно, научная программа М.Н. Кожинной, основанная на глубоком тематическом анализе лингвистического знания. [...]

В статье, посвященной 60-летию со дня рождения М.Н. Кожинной, коллеги и ученики определяют основные результаты ее исследований, которые имеют программный характер для пермской школы стилистики:

«– определение экстралингвистической основы функциональных стилей, в которой базовыми называются форма общественного сознания (поскольку язык – действительное сознание, действительность мысли) и соответствующий ей вид деятельности, тип (и форма) мышления, цели и задачи общения в этой сфере;

– выявление важнейших специфических черт изучаемых функциональных разновидностей речи;

– определение основных закономерностей функционирования языковых средств (особенно грамматических), в том числе стилостатистических, полученных в результате анализа обширного материала реальной языковой действительности;

– выдвижение и обоснование понятия *речевой системности* стиля как системы функциональной, отнюдь не являющейся (и не ограничивающейся) «исполнением», реализацией строя языка (системы языка, толкуемой в аспекте структурального языкознания), принципом организации которой оказываются коммуникативные задачи общения, конкретные для каждой сферы;

– разработка методики применения статистики для изучения воздействия на характер речи того или иного конкретного из ряда действующих экстралингвистических факторов...» («Филологические науки» 1985: 95).

Выявленные М.Н. Кожинной закономерности функционирования языковых единиц и специфические черты стилей были затем проверены и подтверждены многими учеными на новом материале в процессе рассмотрения функционирования различных языковых средств. [...]

Стиль научного мышления М.Н. Кожинной можно отнести к синтетическому, поведенческий стиль – сильного лидера. Ей свойственны интегративный подход к явлениям языка, смелые предположения, четкие дефиниции, поиски оптимальных решений в противоречивых ситуациях. Под стать ей ее ученики и единомышленники, каждый из которых – значимая личность в современной лингвистике. Главное, что М.Н. Кожина умеет объединять людей в научный коллектив, ее действия характеризуются способностью вызывать согласие, наилучшим образом разрешать противоречивые ситуации. По сути дела небольшой (и преимущественно женский!) коллектив оказался способным (при полифонии мнений) объединиться для решения трудных задач современной лингвистики. Единство действий этой согласованной команды проявляется, в первую очередь, в том, что она многопланово, многосторонне объединенными усилиями изучает единую сложнейшую проблему – исследует язык науки, по характеру, манерам, стилю работы приближаясь к лучшим лингвистическим объединениям, в разное время функционировавшим у нас и за рубежом. [...]

Говоря об эпистеме второй половины XX века, М. Фуко отмечает, что следует различать два типа моделей, используемых гуманитарными науками:

это перенесение моделей из других областей знания и основополагающие модели, которые позволяют образовать ансамбли явлений и объектов возможного познания. Они были заимствованы как раз из трех областей – биологии, экономики, анализа языка [...].

Работы М.Н. Кожинной органично вписываются в эпистему второй половины XX века: изучение языка не только в его имманентных качествах, но и в соотношении с аспектами его функционирования выходят на первый план – и это именно основополагающие модели,

которые лежат в основе современного речеведения. Тем более это интересно, если учесть тот взгляд, по которому изучение дискурсивных практик на Западе и функциональных стилей составляют явную корреляцию. Об этом писал Ю.С. Степанов в статье *Изменчивый «образ языка» в науке XX века*: «Термин дискурс... начал широко употребляться в начале 1970-х гг. первоначально в значении близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин «функциональный стиль» (речи или языка). Причина того, что при живом термине «функциональный стиль» потребовался другой – «дискурс», заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. В то время как в русской традиции (особенно укрепившейся в этом отношении с трудами акад. В.В. Виноградова и Г.О. Винокура) «функциональный стиль» означал прежде всего особый тип текстов – разговорных, бюрократических, газетных и т.д., но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, в англо-саксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания» (Степанов 1995: 361).

В обобщающей статье *Пути развития стилистики русского языка во второй половине XX в.*, опубликованной в 1997 году в Польше, М.Н. Кожина подробно рассматривает все этапы формирования функциональной стилистики, начиная с 40–50-х годов, выделяя ее в качестве приоритетной в формировании новой научной парадигмы: «...то, что намечалось и начало осуществляться классиками русской филологической мысли XX в. – В.В. Виноградовым, Л.В. Щербой, Г.О. Винокуром, М.М. Бахтиным, Ю.М. Лотманом и др., – пишет М.Н. Кожина, – получает в наше время широкие возможности всесторонней реализации. [...]

Во главу угла исследований М.Н. Кожина поставила изучение не отдельных единиц, присущих тому или иному функциональному стилю, а изучение текста. [...]

Как определить ценность той или иной научной теории, не прибегая к жестким, хотя и позитивным, критериям и в то же время не стараясь их фальсифицировать? Продуктивность научной теории можно определить с помощью «фундаментальной единицы оценки» – не изолированной теории, или совокупности теорий, а с помощью именно «исследовательской программы». Именно этот критерий выдвигает

Имре Лакатос. Исследовательская программа «включает в себя конвенционально принятое (и поэтому «неопровержимое», согласно заранее избранному решению) «жесткое ядро» и «позитивную эвристику», которая определяет проблемы для исследования [...] (Лакатос 2001: 471).

Что же делает исследовательскую программу М.Н. Кожинной такой продуктивной и почему школа развивается именно по направлениям, определенным этой программой? Думается, прежде всего деятельностная концепция языка, которая позволила школе стилистики основаться на больших достижениях языкознания (и прежде всего фундаменте, заложенном трудами В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни). Деятельностный подход к языку лежит в основе всех работ, относящихся к Пермской школе: так, этому вопросу М.П. Котюрова посвящает отдельный раздел своей монографии, считая исходной методологической посылкой изучения научного текста единственно верную в свете современных исследований концепцию деятельностной природы науки, научного познания и творчества, научного текста. «Понятие деятельности, – считает она, – позволило объединить экстралингвистическую основу формирования научного текста посредством модели познавательного-коммуникативного поля.

Эта модель соотносится со смысловой структурой текста. Познавательное-коммуникативное поле в статике поддается расчленению на смысловые компоненты, обусловленные субъектом-автором (в единстве социального и индивидуального), объектом (в единстве онтологического, аксиологического и методологического аспектов знания) и субъектом-адресатом и эксплицированные в тексте.

Названные компоненты проявляются в тексте не изолированно – они взаимодействуют друг с другом в общей системе каждого текста. Их раздельное рассмотрение является лишь исследовательским приемом. Познавательное-коммуникативное поле в динамике включает конструирование нового знания посредством взаимодействия субъекта и объекта – от незнания к знанию через концентрацию и формулировку проблемы, выдвижение гипотезы, ее интерпретацию и доказательство (хотя бы и неполное, частичное), а также включает выражение установки автора на успешную коммуникацию с читателем (субъект-субъектных отношений) в сфере научной деятельности, исходя

из расчета обеспечит правильное восприятие адресатом излагаемого знания» (Котюрова 1988: 146). [...]

Одним из критериев успешности научного знания является, по К.Р. Попперу, его рост. Центральной проблемой теории познания всегда была и остается проблема роста знания, то есть непрерывного роста и развития. Перед учеными стоит проблема – создать теорию, способную объяснить и прежние факты и новые [...].

М.Н. Кожиной была выдвинута идея о целесообразности выделения особых функциональных семантико-стилистических категорий (ФССК), описанных применительно к *научной речи*. [...] и [...] интердисциплинарный подход, основанный на применении *комплексных методов* [...] «К тому же здесь теперь имеется и основательная база в виде смежных дисциплин – психологии познания и творчества, науковедения, психологии общения, лингвосоциопсихологии и др.» (Кожина, Котюрова 1997: 157).

Итогом многолетней деятельности коллектива пермских ученых явилось трехтомное издание (*Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв.*) (1994, 1996, 1998)[...]

Этот уникальный труд стал подлинным свидетельством роста научного знания Пермской школы, в основе которого лежала научная программа М.Н. Кожиной, так как именно ее «программа» была той в предсказании значимости функциональной стилистики, которая породила обширный научный «текст», связанный с изучением функциональных стилей современного русского языка, и в частности научного стиля. Особенностью подхода стал здесь подход исторический, но функциональный подход использовался неизменно. [...]

Как уже говорилось, одно из наиболее ярких достижений Пермской школы – характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте применительно к научной сфере общения. Впервые была многосторонне описана семантико-стилистическая категория гипотетичности в русских научных текстах. Являясь текстообразующей именно в научной сфере общения, она эксплицитно проявляет себя в различных отраслях знания и жанрах научной литературы. Это обусловлено значимостью гипотезы на разных этапах научно-познавательной и текстовой деятельности, своеобразием выдвигаемой гипотезы в разных областях науки, задачами коммуникации в произведениях различных жанров (Очерки 1998: 187). Сущность этой

категории рассматривается учеными в связи с природой познавательного процесса в сфере науки, с методами и формами научно-го познания.

Единство знания: В пространстве «третьего мира»

Двадцатый век прошел во взаимодействии гуманитарного и точного знания, и оно осуществилось под знаком языка. Языкознание, в свою очередь, впитало точные методы естественнонаучного подхода к осмыслению действительности, в его категориальную сетку вошел новый образ объекта исследования языка, который предстал как сложная система систем с общей взаимообусловленностью элементов. [...]

Язык как наиболее объективный показатель бытия и сознания человека, стал активным объектом рефлексии в психологии, философии (и в первую очередь – феноменологии, аналитической философии), социологии, истории. А теперь уже лингвистика «добирает» многие из оставшихся за пределами ее описания аспекты исследования языка. Мы уже обращали внимание на то, что вторая половина XX века явилась переломной в развитии языкознания – в центре его человек со всеми особенностями его речевых действий и поступков. [...]

Следует особо отметить, что текст лежит во главе современных гуманитарных исследований, и именно как текст исследуется история и культура, и текст – это еще один посредник для возникновения междисциплинарных исследований в области филологии. Это уникальная по сложности система, позволяющая реализовать комплексные программы, порождает ситуацию единства теоретических и прикладных исследований. [...]

Соотношение разнообразных методов науки в системе гуманитарного знания, их эпистемологически ценностная ориентация в дисциплинарных и междисциплинарных исследованиях, проблемная ориентация в различных формах исследовательской деятельности – вот особенность комплексных исследований научного стиля Пермской школы.

В этой интердисциплинарности есть особый ценностный момент – возможность многократных проверок выдвигаемых предположений, рассмотрение их в процессе функционирования в едином пространстве –

пространстве сущностных объективных идей – в пространстве гипотетически существующего «третьего мира». Анализ некоторых значимых концептуальных понятий Пермской школы привел нас к выводу о том, что они по существу коррелируют со столь же значимыми идеями науковедов и философов науки: это идеи мира объективного содержания научных идей и их гипотетичности, идеи гармонизации и концептуального структурирования научного текста посредством повторов, его диалогичности и др. Здесь мы остановимся только на некоторых корреляциях, связанных с идеями гипотетичности, повторяемости, диалогичности. [...]

Гипотетичность как раз и связана с критическим аргументированием знания субъектами, так как она является одной из форм знания (наряду с теорией, аксиомой и др.). Авторы монографии считают, что это одна из центральных категорий в науке, так как ей свойственна функция не только первоначального толчка к динамике научного исследования, но и «развитие знания от недостаточно достоверного к доказанному в виде вывода, закона. Гипотеза выступает как метод познания в науке. Она представляет собой именно научное знание, отличающееся от обыденного и субъективного предположения, считают ученые Пермской школы. [...]

В науковедении высказывается мнение о том, что в научном познании язык – не просто средство коммуникации, он является средством критического обсуждения, дискуссии. Объективность исследования опирается как раз на критикуемость аргументации. Язык становится способом критического обсуждения. Гипотетичность, предположительность и позволяют делать проблему открытой, не замыкать её «логикой твердых тел», то есть претендовать на истину последней инстанции. С опорой на соотношения смысловых позиций в научном тексте и выраженность в языке (вплоть до цитации) рассматривается диалогичность и в пермской постановке: «Диалогичность письменной научной речи – это выраженное в тексте (его организации) средствами языка взаимодействие общающихся в коммуникативно-познавательном процессе, понимаемое как соотношение двух и более смысловых позиций: это и учет позиций адресата (читателя), и второго «я», и возможных оппонентов, – а также отражение в речи признаков собственно диалога. В аспекте лингвистического воплощения диалогичности вся организация речи (речевая системность), все

языковые средства текста реализуют диалогичность. Однако это – самое широкое понимание репрезентации диалогичности в тексте. Можно говорить и о другом её «уровне»: в письменной речи, поскольку адресат её имплицитен, формируются специальные средства и способы выражения, выступающие в качестве особых маркеров диалогичности. Для научной сферы они оказываются важными, обеспечивая двусторонность коммуникативно-познавательной деятельности (и речевого акта) и адекватность (в идеале) интерпретации текста читателем» (*Очерки* 1998: 138). При этом разводятся понятия диалогичности и адресованности. Адресованность означает только одно из проявлений диалогичности – однонаправленное воздействие и отражение его в тексте. [...]

Деятельностная концепция, положенная в основание теории интерпретации научного текста, позволила М.Н. Кожиной и ее коллегам прийти к выводу об огромной организующей роли развернутых вариативных повторов (РВП) в научном тексте. Этой проблеме позже специально была посвящена работа Н.В. Данилевской *Вариативные повторы как средство развертывания научного текста* (1992). Еще раньше (1988) особое внимание им было уделено М.П. Котюровой в ее монографии *Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста*: «Что касается их функции «продвижения смысла (содержания) целого текста», то о ней можно говорить, на наш взгляд, в отношении РВП, названных «неадекватными», которые действительно выражают внутреннее развитие знания, его качественное изменение (например, частное – общее), особенно в случае формулировки выводного знания. [...] Хотелось бы подчеркнуть, что использование в приведенных отрывках текста действительно повторяющегося понятийно-терминологического аппарата свидетельствует об отражении синтеза знания. Несомненно, что эти синтезирующие вариативные повторы играют важную роль в обеспечении целостного восприятия текста, несут большую коммуникативную нагрузку. С целью точной экспликации отношений между предшествующим и последующим (закрывающим повтор) отрезками речи эти РВП вводятся в текст совместно со средствами, передающими отношения основания – следствия. Такие средства подчеркивают также уверенность в достоверности излагаемого знания, которая все более усиливается» (Котюрова 1988: 132). Интересно, что

лингвист и науковед говорят об одном и том же – гармонизирующей интеллектуальной роли повторов в формулировании научного текста. Это ли не подтверждение правильности научных идей? М. Н. Кожина так определила значимость развернутых повторов в тексте: «Анализ большого массива разнообразных научных текстов (разных отраслей науки и жанров) в указанном аспекте позволил вскрыть один из существенных механизмов текстообразования в научной сфере, один из основных принципов развертывания научного текста, определяющий его смысловую структуру, так или иначе влияющий на композицию и, в конечном счете, обуславливающий стилевую специфику данной разновидности текстов. [...] (см.: Н.В. Данилевская, 1990). По наблюдениям Данилевской, не замечаемое обычно читателем многократное повторение почти одних и тех же компонентов смысла авторской концепции, хотя и неэкономно, но нормативно и определяет стилевую специфику и принципы развертывания именно научных текстов: *постепенное* приращение смысла через РВП. Учеными привлекаются и данные стилометрии: «Количество РВП в одном целом тексте (произведении) – даже небольшого объема – может достигать при этом нескольких десятков, причем РВП используется обычно с небольшими интервалами (в 2-4 страницы), а нередко на одной странице или идущими одна за другой употреблены несколько РВП. См., например, в статье Н.И. Вавилова [...] В монографии Т.М. Николаевой [...] И это не особенность стиля данного автора, а закон развертывания научного текста (особенно теоретического и отличающегося большой долей новизны). При этом обнаруживается характерная закономерность: чем ближе к содержанию авторской концепции то или иное высказывание (то есть чем больше степень его новизны), тем чаще оно повторяется в тексте» (Кожина 1992: 47). [...]

Н.В. Данилевской было установлено, что механизмом развертывания именно концептуального содержания текста являются как раз речевые вариативные повторы, особенно – концептуальные. [...] (Очерки 1998: 43). Применение этого принципа к интерпретации понятийного содержания научного текста позволило понять специфику смысла научного текста именно в эпистемическом плане, «цементирующую роль эпистемической среды». Ученые отмечают в этом значимость методологического аспекта: слова широкой семантики (общенаучные термины, имеющие методологически насыщенное значение) типа

свойство, структура, функция, классификация, типология и др. передают обобщенное представление о путях получения нового знания в тексте. Новое концептуальное авторское знание остается новым по отношению к старому научному знанию вне зависимости от его многократного повторения.

Говоря о способах выражения научных идей и понятий, которые выкристаллизовываются в системе лингвистического «третьего мира», пермские ученые и сами становятся его обитателями, вернее, обитают в нем их идеи, что является доказательством верности выдвигаемых ими смелых научных положений.

3. Рост научного знания Пермской школы функциональной стилистики

Основные положения, выработанные учеными Пермской школы, нашли воплощение в конкретных исследованиях, которые и дают наглядно представление о поступательном разрастании знания. Поставив во главу угла изучение научного текста, они посвятили свои исследования важным и значимым проблемам: экстралингвистическим основаниям смысловой структуры научного текста (М.П. Котюрова), изучению вариативных повторов как средства развертывания научного текста (Н.В. Данилевская), рассмотрению функционально-стилистической категории гипотетичности английских научных текстов (И.С. Бедрина), интерпретации научного текста в аспекте фактора «субъект речи» (Л.М. Лапп), формированию рассуждения в процессе развития научного стиля и сопоставлении с другими функциональными разновидностями (Т.Б. Трошева), рассмотрению научного текста в аспекте политекстуальности (Е.А. Баженова). Каждый из этих ученых сейчас сам формирует научные направления, оставаясь тем не менее в рамках главной школы – школы М.Н. Кожиной, что, собственно, не принижает значимости выдвигаемых идей.

Основа для многоплановых исследований – внутренняя деятельностная структура текста. Изучение большого массива научных текстов показало, что их стилистико-типологические особенности обусловлены не только содержанием, определенным денотатом и референтной ситуацией (события, факты, положения дел), но также и особенностями коммуникативного акта в данной сфере (особого рода диалогичностью

при взаимодействии партнеров), а также отражением своеобразия в ней когнитивного аспекта текстообразования.

«Совершенно очевидно, что стилевая специфика научных текстов, – пишет М.Н. Кожина, – зависит от комплекса взаимосвязанных факторов, в котором важное место занимают: субъектно-объектные отношения; природа самого знания и законов познания и творчества, в частности, этапов (фаз) научной деятельности; развитие науки по законам «отрицание отрицания» и «преемственности знания»; природа не только логического мышления, но и интуитивных решений и, конечно, ряд собственно коммуникативных факторов, в том числе особенностей восприятия научного текста (учет этого при построении текста) и др.» (Кожина 1992: 43).

Однако учета только этого комплекса факторов недостаточно для более углубленного изучения научного функционального стиля, особенно в аспекте стилистико-текстового анализа и смысловой стороны текста. Такая ситуация потребовала изучения зависимости текста от природы знания, отражения в текстовой деятельности закономерностей познавательного процесса. Поворотной, можно сказать, этапной для дальнейших исследований научного стиля явилась монография М.П. Котюровой «Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект)».

Исследователь сосредоточивает внимание на обусловленности экстралингвистическими факторами смысловой структуры научного текста. Отталкиваясь от базовой стилеобразующей основы и подключая данные смежных наук (гносеологии, психологии, науковедения и др.), М.П.Котюрова углубляет и конкретизирует существующие представления о комплексе стилеопределяющих факторов научной речи, которые рассматриваются с помощью модели познавательно-коммуникативной деятельности субъекта по отношению к объекту. В научном тексте эксплицируется триада взаимосвязанных компонентов научно-познавательной деятельности и ее продукта (научного знания): объект в единстве онтологического, методологического и аксиологического аспектов знания и субъект в единстве социального и индивидуального (последнее включает в себя категориальный профиль мышления автора, стиль мышления ученого, индивидуальное в его мышлении); сам процесс формирования научного знания. Утверждается тот взгляд на научный стиль изложения, в соответствии с которым

научное знание выражается в тексте не только в плане объекта познания, но и в плане субъекта, формирующего знание об объекте. М.П. Котюрова пытается опровергнуть мнение о саморазвитии научного знания – «впечатления, создающиеся благодаря общей, социально значимой особенности речи – ее логической стереотипности». Содержание конкретного текста, считает она, обычно воспринимается как новое знание, это происходит благодаря индивидуальному моделированию знания, проработке стратегии и тактики его формирования (в чем проявляются индивидуальные характеристики мышления ученого) и, естественно, индивидуальному отбору и использованию языковых единиц (Котюрова 1988: 159-160). Положение об отрицании саморазвития научного знания можно оспорить на основе идей синергетики, но внимание к индивидуальному творчеству, образующему стилиевые черты текста, действительно значимо.

Параллельно с этой работой осуществляется исследование Л.М. Лапп, посвященное интерпретации научного текста в аспекте фактора субъект речи (1988, 1993). Л.М. Лапп описывает стилиевые особенности научной речи, обусловленные такими сторонами коммуникативно-познавательной деятельности ученого, как фазы продуктивного мышления и рефлексивная деятельность автора; ею разработана оригинальная интерпретационная модель, актуальная для изучения научного текста.

Изучение экстралингвистических оснований релевантности фактора «субъект речи» для научных текстов на основе деятельностного (комплексного) подхода показало принципиальную возможность выраженности категории ФСР в научном тексте. Именно обусловленность рефлексивно-личностного («субъективного») компонента научного текста гносеологическим и социальным («речедетельностным») аспектом взаимодействия человека с миром дает возможность рассмотреть научный текст не только как структуру, передающую информацию о внешнем (по отношению к психической сущности человека) мире, но и как «гуманистическую» структуру, несущую на себе «печать» личности познающего мир субъекта.

Исходя из принимаемого понимания фактора «субъект речи», был предложен метод анализа научного текста с помощью гипотетической интерпретационно-смысловой модели научного текста, разработанной с опорой на некоторые положения психологии творчества, в основе

которых лежит модель, отражающая деятельность продуктивного мышления в процессе решения творческих задач, что, по мнению Лапп, обуславливает качественное своеобразие проявления ФСР в научном тексте (Лапп 1993: 149). [...]

В монографии Н.В. Данилевской (1992) исследуется один из механизмов развертывания научного текста – постепенное приращение компонентов нового знания через развернутые вариативные повторы. Анализ научного текста в целом произведении показал, что процесс его развертывания не носит, как это принято считать, постоянного, непрерывного характера. Напротив, он повсеместно прерывается, приостанавливается автором с целью повторить (напомнить читателю) какие-то важные смысловые моменты содержания. В динамику текстообразования включаются РВП, причем отнюдь не как «помехи» этой динамики, а как явление вполне закономерное. Н.В. Данилевская убедительно показала, что РВП являются коммуникативными единицами научного текста, с одной стороны, выражающими какие-то наиболее важные моменты содержания и тем самым принимающими самое непосредственное участие в процессе текстообразования, с другой – направленными в первую очередь на читателя в целях достижения эффективности общения в научной сфере деятельности (Данилевская 1992: 120).

Результаты исследования И.С. Бедриной, проведенного на материале английских научных текстов, показали, что применительно к научной речи целесообразно выделение ФССКгип (функциональной семантико-стилистической категории гипотетичности), представленной системой разноуровневых средств, обладающих общим семантическим содержанием и функцией. Данная категория реализует в научном тексте гипотетичность – неотъемлемый компонент научного мышления, познания и деятельности ученого, языковые единицы выражения которой объединяются на текстовой плоскости таким образом, как предписывают цели и задачи научной коммуникации, то есть представляют собой частный случай стилистико-речевой системности. ФССКгип является коммуникативно-функциональной категорией, которая в отличие от ФСК, характеризующих прежде всего структурный аспект языка и динамику внутри языковой системы, описывает речеведческий аспект функционирования языка.

Речеведческий характер ФССКгип и ее стилистический статус обуславливают существенные различия между данной категорией и функционально-семантической категорией модальности, в рамках которой изучается значение гипотетичности. Принцип объединения разноуровневых языковых единиц, выражающих гипотетичность в научном тексте, качественно отличается от принципа объединения средств выражения неиндикативной (гипотетической) модальности. Параметры отличия говорят об убедительности аргументации.

Е.А. Баженова рассматривает проблему преемственности и формирования знания, отраженного в смысловой структуре русских научных текстов и определяющих композицию и архитектонику последних (1987, 1996). Все это позволяет изучать научный текст как отражение динамики познания, поскольку именно отражение поступательного движения научной мысли в произведении обеспечивает целостность его смысловой структуры и лежит в основе принципа текстообразования.

Реализованный в работе функционально-стилистический подход к изучению смысловой структуры текста, опирающийся на принципы системности и функциональности, позволил выявить механизм перехода экстралингвистического, внешнего по отношению к речевому произведению, в собственно лингвистическое и тем самым объяснить стилистико-речевую природу смысловой структуры научного текста и особенности его композиции.

На основе комплексного анализа целого произведения, с учетом достижений смежных с языкознанием наук – прежде всего гносеологии, психологии и науковедения, – Е.А. Баженовой разработано понятие политекстуальности и описана функционально-типологическая модель смысловой структуры научного текста. «Смысловая структура соотносится со структурой эпистемической ситуации, характеризующейся единством взаимосвязанных аспектов как познавательной деятельности, так и ее результата – нового научного знания и оказывающей систематическое влияние на формирование научного текста» (Баженова 2001: 249).

В.А. Салимовский, занимающийся исследованием теоретического текста, убедительно показывает, что теоретическое исследование представляет собой деятельность ученого по преобразованию, совершенствованию, развитию концептуальных средств науки. В

монографии автора *Жанры речи в функционально-стилистическом освещении* показано, что «основные фазы как эмпирического, так и теоретического исследования объективируются в особых композиционных, тематических и стилистических типах текстов. В процессе исследования выявлены и описаны специфические черты содержательно-смысловой и поверхностно-речевой системности этих жанров, охарактеризовано единство их внутреннего и внешнего планов, изучена организация образующих речевые жанры типовых субтекстов, развиты представления о гибкости, пластичности жанровой формы. Установлено, что она может реализоваться в относительно полном или частичном виде, развернуто или компрессированно; продуцируемые коммуникативные блоки могут по-разному соотноситься в плане их информационного веса; во многих случаях отдельные звенья жанровой формы функционируют как модели не только субтекстов, но и целых речевых произведений» (Салимовский 2002: 205).

Исследователь считает, что развитие функционально-стилистического метода на основе включения в исследование представлений о строении деятельности приводит к ряду эвристически значимых следствий: открывается перспектива анализа речевого акта, или коммуникативно-познавательного действия, взятого не изолированно, а в составе вида социокультурной деятельности. Этот метод (а он предполагает использование данных о культурных формах, нормативно-категориальных каркасах различных видов духовной социальной деятельности) значим и для дискурсивного анализа, поскольку дает ориентиры для систематизации и упорядочения конкретных наблюдений, учета совокупности условий выполнения функции высказывания.

Вопросам синтаксиса научной речи в функционально-стилевом аспекте посвящены работы Т.Б. Трошевой, С.О. Глушаковой (1988); лингвистическому аспекту исследования типов творческого мышления – работы Е.А. Юниной.

Научная речь сыграла принципиальную роль в формировании рассуждения как функционально-смыслового типа речи в русском литературном языке, считает Т.Б. Трошева. Именно в данной сфере функционирования языка рассуждение представлено полным «набором» разновидностей. Именно здесь оттачивались в процессе эволюции стиля инвариантные черты их смысловой структуры. «За счет

научного стиля обогащалась система языковых средств наиболее адекватной передачи логических связей, лежащих в основе различных аргументативных построений. Именно в его «лоне» сформировалось строгое логическое текстовое построение, образующее в русском литературном языке центральное звено полевой структуры рассуждения» (Трошева 1999: 185).

Особая статья – это межвузовские сборники кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета. Г.Я. Солганик отмечает, что «в принципе почти каждый межвузовский сборник приближается по своему характеру к коллективной монографии. [...]» (Солганик 2002: 174).

Фундаментальное издание кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* под редакцией М.Н. Кожиной (2003). Пермская лингвистическая школа подтвердила еще раз, что ей принадлежат приоритетные позиции в области изучения стилистики русского языка, поэтому появление столь значительного труда – закономерный результат многолетней работы пермских ученых, а также ведущих специалистов по стилистике, привлеченных к совместной работе.

Словарь заполняет значительную лакуну в области стилистики и словарной литературы. Он является наиболее полным комплексным трудом, выполненным на основе новейших достижений в области стилистики: отражает различные стилистические тенденции, направления, систематизирует научные знания, в нем упорядочивается терминология, стилистические понятия. [...]

Крупная научная школа – это огромное достояние культуры общества. Российской науке и культуре есть чем гордиться: Пермские ученые не покладая рук ткнут ткань нового знания. Им есть что предъявить перед лицом бурно развивающегося информационного общества. Пермская школа обладает продуктивной научной программой, характеризуется поступательным ростом научного знания. Творческий диалог с текстом продолжается.

Литература

- Автономова Н.С., 1994, Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи». – Мишель Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук, С.-Петербург, с. 7-27.
- Баженова Е.А., 2001, Научный текст в аспекте политекстуальности, Пермь.
- Бедрина И.С., 1989, Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах, Екатеринбург.
- Данилевская Н.В., 1992, Вариативные повторы как средство развертывания научного текста, Пермь.
- Кафедра русского языка и стилистики Пермского госуниверситета. Маргарита Николаевна Кожина. – К 60-летию со дня рождения, «Филологические науки» 1985, № 5, с. 95.
- Кожина М.Н., 1992, Интерпретация текста в функционально-стилевом аспекте, «Stylistyka»I, с. 39-50.
- Кожина М.Н., 2003, Истоки и перспективы речеведения, Проблемы речевой коммуникации, Саратов, с. 34-46.
- Кожина М.Н., 1997, Пути развития стилистики русского языка во 2-ой половине XX века, «Stylistyka»IV, с. 9-49.
- Кожина М.Н., 2002, Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории, Пермь.
- Кожина М.Н., 1977, Стилистика русского языка, Москва.
- Кожина М.Н., 1998, Речеведческий аспект теории языка, «Stylistyka»VII, с. 5-20.
- Кожина М.Н., Котюрова М.П., Изучение научного функционального стиля во второй половине XX века, «Stylistyka»VI, с. 145-171.
- Котюрова М.П., 1988, Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста, Красноярск.
- Кун Т., 2001, Структура научных революций, Москва.
- Лакатос И., 2001, История науки и ее рациональные реконструкции. – Кун Т., Структура научных революций, Москва, с. 455-525.
- Лапп Л.М., 1993, Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи», Иркутск.
- Поппер К.Р., 2002, Объективное знание. Эволюционный подход, Москва.
- Пуанкаре А., 1990, О науке, Москва.
- Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв., ред. М.Н.Кожина, т. 1: Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней, 1994, т.П, ч.1, 2, Стилистика научного текста, 1996, 1998, Пермь.
- Салимовский В.А., 2002, Жанры речи в функционально-стилистическом освещении, Пермь.

- Солганик Г.Я., 2002, *Пермские межвузовские сборники по стилистике*, «Stylistyka»II, с. 172-178.
- Степанов Ю.С., 1995, *Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. – Язык и наука конца 20 века*, Москва. С. 35-73.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, ред. М.Н. Кожина, Изд-во: Наука– Флинта, 2003, Москва.
- Трошева Т.Б., 1999, *Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв.*, Пермь.
- Фосслер К., 1961, *Позитивизм и идеализм в языкознании*, Звегинцев В.А., *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*, Москва, ч. I, с. 286-298.
- Фуко М., 1994, *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*, С.-Петербург.
- Холтон Дж., 1981, *Тематический анализ науки*, Москва.

Perm Scientific School of Functional Stylistics

The article contains the description of the main trends in the researches of the scholars of Perm school of functional stylistics based on the programmes of speech linguistics and fundamental principles of functional stylistics, which were worked out by M. N. Kozhina.

The author analyses the basic concepts of the school which include the evolution of the main ideas of the functional stylistic, worked out by M. N.Kozhina, as the basis and pattern for further researches. The author also examines the works of Kozhina's followers (E. A. Bazhenova, N. V. Dfanilevskaya, L. R. Duskaeva, M. P. Kotiurova, V. A. Salimovskii, T. B. Trosheva and other). These works present the researches of the dynamism of textformation in scientific sphere with the use of the interdisciplinary approach, (with is connected with the psychology of thought and speech, theory of science, cognitology). They also include the analysis of the textual categories of dialogic, accentuational, hypothetical concepts the problems of genreformatio, interaction of sender and addressee in communicative cognitive process, and the problems of the historical stylistic.

Keywords: *language, speech, stylistics, style functional style, scientific style, speech linguistics, speech system, text, dialogue form, hypothetical form, extralinguistic factors, style of genre, dynamic concept of language.*

[e-mail: stilst@psu.ru]